

С поэтом и прозаиком Валентиной Васильевной Сидоренко, урожденной иркутянок, так ладно пригосудившейся там, где родилась, лично не знаком, о чем каждый раз сожалею, читая ее на удивление честные до беспощадности произведения. Пригосудилась Валентина Васильевна родному Иркутску и впоследствии России и как самобытный поэт, и как талантливый прозаик, и как яркий публицист. Сегодня нам как никогда нужны именно такие писатели — честные до беспощадности. Тут и вспомнишь слова Александра Вампилова, что для того, чтобы стать настоящим писателем, надо непременно говорить правду своему народу. Слово о Сидоренко задолго до ее вхождения в литературу сказано! О ее творчестве очень доброжелательно отзывался другой русский гениальный писатель — Валентин Григорьевич Распутин. С ним она и поныне сверяет свои творческие и жизненные координаты.

Проза Сидоренко носит все признаки «прозы поэта» — сочный объемный язык, поэтическое восприятие даже самых, казалось бы, негативных сторон происходящего, то есть реальности во всей ее полноте. В свое время Валентина Васильевна стала открытием поэтического небосклона Иркутска, как ав-

тор стихотворных сборников «Димитрова суббота», «Осенние тетради», «Складень»... Стихи ее в большинстве своем нельзя отнести к исключительно женской лирике, где авторское Я — некий центр мироздания, чем часто грешат поэтессы, даже очень талантливые. У Сидоренко авторское поэтическое Я ратворено в любви к Богу и России как особой задумке Бога. Отсюда родом и ее духовные стихи, отмеченные печатью высокого созерцания.

Однако на самом деле Валентина Васильевна вовсе не созерцатель и не отрешенный наблюдатель. Она всегда в гуще жизни и литературы. Многие годы была редактором «Литературного Иркутска», выведя это издание в русло православного мироосмысления. Благодаря Сидоренко достоинством читателей стали уникальные, дотоле хранящиеся под архивным спудом, труды православных мыслителей и философов. «Литературный Иркутск» в бытность ее редактором вышел на просторы России и даже в страны русского зарубежья! А когда в Иркутске встал вопрос об открытии православной женской гимназии, Валентина Васильевна тоже не осталась в стороне, активно тому содействуя и как писатель, и как общественный деятель. Работая в Иркутском театре юного зрителя, она впервые организовала

Иннокентиевские православные чтения. И все это, как ни удивительно, помогало ей в творчестве, не отвлекало от него, а как бы даже питало собственно литературу жизненными соками.

Впервые мне открыл творчество Сидоренко журнал «Наш современник», постоянным автором которого она является. И вот девятая книжка «НС» за 2021 год снова порадовала публикацией Валентины Васильевны. На этот раз — повестью с честным и даже жестким названием «Крах», которое не вступает в противоречие с содержанием.

Творчеству Сидоренко, как отмечают многие коллеги и критики, свойственны естественность повествования, по-сибирски самоцветный и самобытный язык. А все это, сопряженное с высоким накалом исповедальности, представляет собой чтение с той горчинкой, которую обычно имеют лекарства. Сидоренко смотрит без розовых очков на наше апокалиптическое время, не боясь осмыслить не столько его победы, сколько русскую трагедию.

В свое время обратили на себя внимание читателей и коллег такие произведения Валентины Сидоренко, как «Завтра праздник», «Сок подорожника», «Поле небороненным», в которых ярко зазвучали мотивы поиска человеческой идентичности в эпоху, которая ныне уже почти официально получила название эпохи «расчеловечивания человека». А такое расчеловечивание стало возможным во многом из-за того, что люди в массе своей оторвались от природы, от тысячелетнего родового корня и древа, что подпитывают наши душевные силы. Сиюминутное житейское вытеснило житийное, разорение природы лишило людей соборной защищенности, оставив один на один с миром социальных невзгод. Мы в массе своей не поняли, что, презрев и забыв общее, нельзя стать счастливым лично, ведь одно неотделимо от другого. Уже в 80-х годах прошлого века, казалось бы, благополучных, Валентина Сидоренко видит признаки надвигающейся катастрофы, которая впоследствии выразилась

в крушении советской цивилизации, ведь симптомы оскудения духа народного проявлялись задолго до начала предательских девяностых годов.

В свое время неким прорывом сибирской прозы стал роман Сидоренко «Страстотерпицы» — эпическая вещь о судьбах нескольких поколений женщин, чьи широкие натуры спутали понятия истинной любви с некой иллюзией личного счастья. В повести «Крах» речь идет о мужчинах, да и повествование ведется от мужского имени. Женщины тоже присутствуют в повести, и судьбы их столь же ярки, сколь и характеры.

Читаешь и задаешься в очередной раз вопросом: откуда у Валентины Васильевны такое знание и глубокое видение разных натур своих современников? И не объяснишь это тем, что какое-то время она поработала проводницей на железной дороге, узнала страну и людей, как говорится, непосредственно, на близком расстоянии наблюдения и осмысления. Ведь художественная достоверность — это не фактологическая точность. Художественной достоверности веришь душой, видишь словно бы живыми и даже знакомыми людей России и Сибири, оживающих в произведениях Сидоренко — горожан, жителей сельской глубинки и таежной глухомани. Их, таких разных, роднит наше неизбывное русское искание правды и справедливости.

Каждый ищет правды по-своему в повести «Крах».

Потомственный цыган и его подруга с колоритным прозвищем Элька-Копилка ищут в странствиях, от тяги к которым не избавляет их даже наличие своего дома, который надо обихаживать. Нет, они заботятся о родовом уголке — Элька печет блины для гостей, кормит приبلудного кота... Но настает время, и она вдруг исчезает. И не только для сбора милостыни в копилку, имеющую обличье гипсовой кошки, чтобы потом отправить все собранные деньги в места лишения свободы. Думается почему-то, что не одна забота о сыне срывает Эльку

время от времени в «путешествия». И не только тоска по юной любви, татарке Загиде, склоняет колоритного цыгана Савелия к перемене мест! Эти побегистранствия в неизвестность, как правило, внезапные — уйдет за сигаретами цыган и возвращается лишь спустя недели, а то и месяцы, весь обросший и в лохмотьях. А пока путешественников нет дома, о доме заботится талантливый художник по прозвищу Филиппок, живущий под этой же крышей, друг и ровесник стареющего писателя, от имени которого ведется повествование. Такая вот почти коммуна людей безбытных и неприкаянных!

Найти себя настоящего, такого, кто будет жить по совести, справедливости и при этом счастливо... Такова главная и недостижимая пока цель каждого из героев повести «Крах». Каждый ищет свой смысл как умеет. Каждый мятется — кто, странствуя, кто, вроде бы сидя на месте, но неприкаян душою. Лишь монах Киприан, брат художника, время от времени приезжающий в дом погостить — счастливое исключение. Он прошел долгую и, судя по всему, мучительную дорогу к самому себе и понял, что путь к своей совести и путь к Богу — это один и тот же путь. Понял это не теоретически, а вполне очевидно — через жестокие метания, которые автор предпочел оставить за рамками повествования, дав читателю возможность стать соавтором и самому догадываться, какие испытания пришлось пройти монаху Киприану, чтобы его суждения о людях и мире оказались наконец лишены какого бы то ни было осуждения «малых сих» и стали проникнуты такой победительной добротой, которая никак не дает покоя именитому академику Льву Абрамовичу. Он какой-то неведомой атеистической чуйкой предвидит очередной приезд монаха Киприана в гости к брату и сразу заявляется в гости без лишних церемоний. Видимо, либеральный интеллектуал Лев Абрамович, регулярно выезжающий на научные симпозиумы в Америку, никак не может смириться с

той верой, что излучает монах Киприан. И потому прямо с порога вместо «здравствуйте» пытается вызывать монаха на спор с яростью, в которой просматривается неуверенность и как будто бы даже желание быть побежденным в вечном споре атеизма с православием.

Крах ложных идеалов как минимум нескольких поколений людей — вот о чем повесть. О том, что родной русской простоте (а истина всегда проста и немногословна) наша так называемая творческая интеллигенция предпочла чужое. Возможно, с нами сыграла злую шутку та всемирная отзывчивость души, про которую писал еще Достоевский. Эта всемирная отзывчивость делает русского человека созвучным всем эпохам и мирам. Но она же, если слишком увлечься ею, может пойти русскому человеку и во вред.

Главный герой-писатель только после самоубийства единственного сына, а затем жены начинает задумываться о том, как неправильно они с Ириной построили жизнь. Два неглупых творческих человека — писатель и актриса — служили искусству, старались быть в курсе мировой культуры, ночами выставляли очередь в книжный магазин, чтобы купить сборник японской поэзии. Они предпочли появлению детей поездки за рубеж для повышения культурного уровня. Потом пришло наказание: долго не могли родить ребенка, которого очень хотели. А когда долгожданный сын все-таки появился на свет, он поневоле очутился в атмосфере культуры, оторванной от русского. Сын Сева увлекся чужеродной рок-музыкой, в результате чего стал наркоманом и покончил с собой. Трагичен итог насыщенной творческой жизни главного героя его родных. Сидя у могил жены и сына, он осознает, что даже отпеть близких людей он не вправе по причине их самоубийства, даже этого утешения у него нет...

По ходу чтения повести не раз возникает ощущение некой начальности времени, которая обычно бывает после какого-то страшного и глобального катаклиз-

ма, когда, сидя на выжженной земле, человек поневоле возвращен к себе и в себя. Он оглядывается вокруг. Он вглядывается в себя, чтобы понять — как такое могло случиться, почему в очередной раз дорога в этот ад оказалась вымощена самыми благими намерениями...

Читаешь и думаешь: в нынешней культуре, которая подменила и вытеснила в итоге настоящую национальную культуру, как же легко перепутать творчество и искусство, принять одно за другое. Творчество происходит от слова Творец и заставляет того, кто им занимается, всегда поверять себя и жизнь божьими заповедями. Понимать, что суета никогда не бывает от Бога. Творчество — это не только стихи, талантливые картины, которые творит художник, друг автора повествования. В наименьшей степени это сотворение мира — детей, дома, владельцем которого после всех испытаний становится главный герой. Не та жизнь налегке, какую обычно предпочитают люди искусства, а постоянные усилия по обиходу родной земли во имя будущего, сбережение корней.

А искусство — не всегда и не обязательно от Бога, ведь в основе этого слова лежит искус, который далеко не все, даже талантливые, люди способны преодолеть.

Собственно, только с осознания краха всех ценностей, которые казались незыблемыми, начинается, по сути, настоящая жизнь героя повести, которая есть повесть-катарсис, повесть-покаяние, повесть-исповедь человека перед Богом и самим собой. Это повесть-возвращение к самим себе — тем, которые ощущают связь с предками, прошлым своей земли, с Богом как непреложной истиной, а не неким теоретическим умствованием. Как духовным опытом, после которого возвращение к прежнему либерально-тенетному состоянию просто невозможно. А с литературной точки зрения «Крах» — это повесть для чтения неспешного, вдумчивого, одинокого чтения не вслух.

Я бы даже сделал примечание к повести — ЧИТАТЬ ПРО СЕБЯ. Потому что это — именно про себя, про всех нас вместе, но при этом — про каждого из нас в отдельности.